

Никита Михалков

Культура. — 1993. — 22 мая. — С. 3.

# ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ КРАСИВОЙ

Если по традиции перечислять, что связано с именем Никиты Михалкова, то пришлось бы, наверное, посвятить этому несколько газетных страниц. Для целого поколения его эстетика, его фильмы, его киногерои, стон его Платонова о даром пропавшей жизни стали откровением, возможностью взглянуть на себя как на представителей той самой русской интеллигенции, о которой писали знаменитые наши классики. Никита Михалков не выходил на трибуну съездов, не выступал со звонкими публицистическими статьями, не бил себя кулаком в грудь, кланясь в преданности России. Он снимал фильмы, которые получали призы престижнейших кинофестивалей и признание миллионов зрителей в разных странах. Но именно потому, что он стал «достоинством нации», как называют подобных людей в Японии, каждое его слово звучит как гражданская позиция, каждая мысль — неординарна, независима и ярка. Зная это его свойство, с ним и беседовал наш корреспондент.

— Из хаоса, в котором мы сегодня живем, слово «культура» возникает как-то мимоходом, упоминается второпях, как нечто второстепенное, без чего сегодня можно прожить, а завтра, если захочешь, взять и воспользоваться. Но культура, как и ребенок, требует и постоянного внимания, и постоянных усилий по преодолению себя. Готовы ли мы сегодня к этому!

— Я думаю, что, к сожалению, на сегодняшний день мы ни к чему не готовы. Если говорить про культуру и ее деятелей, то тут я вижу новый виток обслуживания власти, всю ту же коллективную безответственность и шаманство. Как стояли с трибуны на V съезде кинематографистов кого-то неугодного, кого нельзя было тронуть раньше, улюлюкая и свистя, на всякий случай прячась за спины впереди сидящих, чтобы не видно было, кто свистит, так и сегодня интеллигенция, взявшись за руки, поет вместе, чтобы не «пропасть поодиночке». Хотя все те, кто это поет, никогда ни при каких властях ни поодиночке, ни все вместе не пропадали, а даже наоборот — получали награды и звания, — оттого-то их и знают в народе, потому-то их и зовут к себе власть предержащие себя поддерживать. Представить себе деятелей культуры XIX века в этом положении невозможно. Пушкин писал: «Ты царь. Живи один...» Это стихотворение, я бы сказал, Евангелие художника, его знак, его заповедь. И когда я вижу ликующую толпу творцов, я их боюсь, я им не верю, как не верю коллективным письмам и поголовному единомыслию. Говорить о культуре, об искусстве хором невозможно. Художник приговорец быть одиноком — и только тогда у него есть право говорить с другими, ибо он говорит от своего имени, именем этим отвечает за сказанное.

— Может быть, именно поэтому христианство очень сдержанно относилось к творчеству. И христианская церковь соблюдала принцип, согласно которому человек должен был достичь внутреннего очищения и преображения, прежде чем творить.

— Безусловно. Не всякая проповедь — благо, и не всякая заповедь — сила, и не всякая толпа есть та компания единомышленников, которая жаждет добра другим. По сути дела — лица-то в толпе мы видим те же самые, обслуживающие власти во все времена. И самое невероятное, творцы, которые жаждали демократии и свободы, кинулись в объятия Горбачева, он же этого не понял и прошел мимо — так они тут же начали его топтать. К чему же эта свобода свелась? К свободному волеизъявлению прикоснуться ро-

зовой щекой интеллигента к шершавой длани власти. Вот и вся свобода.

— Ну еще декабрист Лунин говорил: «Мы все бастарды Екатерины II», — где «бастард» означало «внебрачный сын влиятельной особы». Очевидно, право на родство некоторые интеллигенты еще до сих пор отстаивают.

— Я-то вижу тут более простые задачи. Те возможности, которые открылись интеллигенции, совсем отделили интеллигенцию от народа. Еще Петр I, метко названный Максимилианом Волошиным «первым большевиком», прорыл эту пропасть — одних отправив учиться в Голландию, а другим, не объяснив, почему полезнее утром пить кофе, а не водку. Вот почему ни в одной цивилизованной стране мира, кроме нашей, вы не услышите «очкарик», «а еще шляпу надел»... Это все отечественное, родное, благоприобретенное. Все происходящее сегодня меня еще раз убедило: пропасть велика, и нельзя ее не видеть.

Я никогда не был противником Ельцина, но я против испуганной безоглядности и верноподданнического восторга, к кому бы он ни относился. «Служенье муз не терпит суеты» — об этом сейчас уже почти никто не помнит, забыли и слова Чехова о том, что у дверей каждого счастливого человека должен стоять кто-то с молоточком в руке, напоминающая о чужом горе. Это необходимо хотя бы для того, чтобы не потерять свой нравственный ориентир, свое достоинство.

Ни в одном выступлении интеллигенции на встрече с Президентом ни на одну секунду ни взгляда, ни ползгляда не было обращено в сторону людей, для которых эта интеллигенция работает. Даже просто такой фразы: «братцы, мы все понимаем, сейчас трудно, но...» — даже этого нет.

— Не могу с вами не согласиться, но добавлю, что обвинял не только народ, но и интеллигенция тоже. И вилка между зарплатой уборщицы метро и зарплатой научного работника или редактора огромна. Да, идет расслоение на богатых и бедных — к этому мы трудно привыкаем, и это тоже пропасть, которую нам надо преодолеть, памятуя о бесмысленной жестокости бунтов и о бунинских словах о том, что народ уничтожал и жег усадьбы не из ненависти, а из зависти — из невозможности жить так, как жили те. Вас это не страшит!

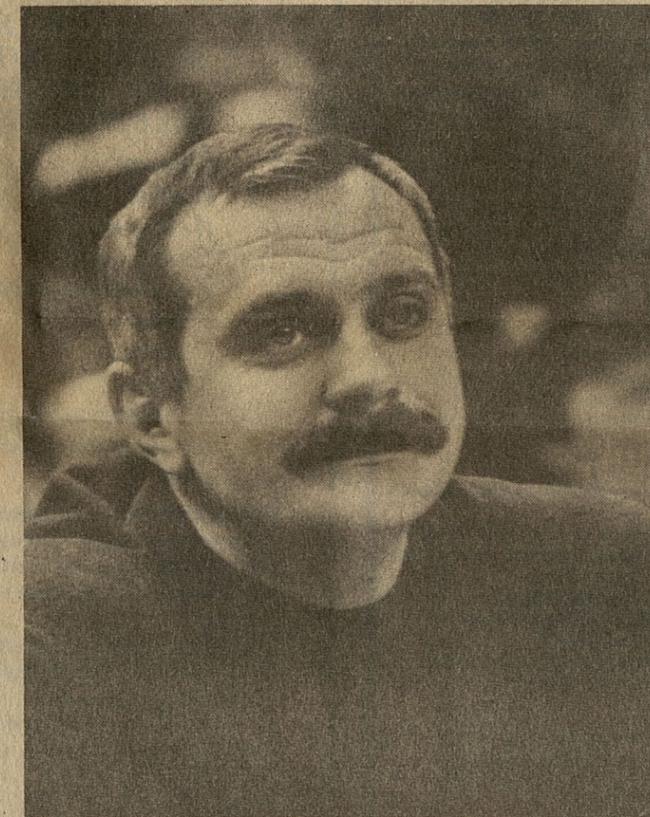
— Меня страшит та безответственность, с которой мы бросаемся словами. Когда говорят о коммунистической угрозе, я думаю, а что еще можно сделать, чего не сделали с нами сегодня? Бесправие мы

видели, рабство физическое и нравственное видели. Что еще с нами можно сделать? Можно, оказывается, напугать коммунистами. Но задумаемся на минутку: а кто эти коммунисты, и могут ли они прийти к власти? Я-то убежден, что не могут, и не потому что сил у них нет, а потому что народ их уже пережил.

Я уже рассказывал о том, как меня поразило, что большой музыкант, мой друг и сосед, в полемическом задоре предлагает Президенту взять в руки канделябры для расправы с шулерами, и Президент на полном серьезе благодарит и обещает быть жестче. Если очистить от всех образных налетов эту мысль, то неожиданно станет понятно, что разговор идет не о преступных эле-

ментях, не о коррупции и мафии, а идет разговор об инакомыслиях, то есть об оппозиции. Совсем просто — власти предлагается избавиться от оппозиции. А какая власть может выжить без нее! Оппозиция нужна власти, как зиме нужно лето, как ночи — день, как тот самый молоточек, который бы напоминал власти о том, что она не вечна и единственная ее, власти, задача — принести своему народу максимум пользы. Нас что — призывают к единомыслию? Так и это мы проходили, это все было! И в музыкальном мире немало тому примеров, — хотя бы Шостакович. Что с ним делали верноподданные критики и коллеги, стоило им только получить сверху команду: «Пиль! Ату!»!

— Ну кто не согласится с вами — ответственности за слово и за идею нам еще предстоит учиться. Безответственность, как определил один философ, — это несвобода духа. С чего бы вы начали наше духовное возрождение!



— Безусловно, с религии. Просвещенное безбожие может погубить все.

— Но христианская европейская культура, с которой мы стремимся воссоединиться, совсем не предусматривает соблюдения ритуалов и хождения в церковь. Ее идея проста — в частном деле воплощать бесконечное и божественное. Для этого, думается, нам, первым делом, надо начинать работать, а не митинговать и не ждать каких-то необыкновенных реформ, которые завтра сделают нас богатыми и счастливыми.

— Вы говорите о постхристианстве. А я-то как раз считаю, что в церковь надо ходить обязательно — мы должны начать с этого. Вот если бы не было этих семидесяти с лишним лет, если бы у нас было непрерывное христианское воспитание и не был бы истреблен нравственный институт христианства, мы бы, может быть, и могли быть свободными от ритуалов, потому что почувствовали бы Бога в себе, и

которые подвигнут людей на то, чтобы терпеть. У великих политиков всегда находились слова и поступки, заставлявшие людей верить и терпеть. Если народ верит в то, что все, что делается, в конечном счете делается в интересах этого народа, он будет терпеть. Но терпеть он будет, только если истинно верит.

— Кроме того, никакая реформа в России невозможна без общей национальной — не путайте с националистической — государственной идеи. В Америке есть национальная идея, хотя там живут и мексиканцы, и уругвайцы, и шотландцы — кто угодно. Была и у нас, хоть и ложная, но идея: построение социализма в одной стране, и она стала национальной идеей. Причем, заметьте, что только в стране, где существовал религиозный менталитет, можно было социальную систему превратить в религию, да еще требующую гигантских жертв. И монархический менталитет тут тоже сыграл свою роль. Не мыслим был бы у нас сталинизм в таком виде, в каком он был, не будь у народа глубинного монархического самосознания. А разве Хрущев, Брежнев, Черненко, разве они были не цари? Цари. Только незаконные. Ибо любая власть, пришедшая таким путем, каким пришли большевики, незаконна.

— В самой основе российской государственности был заложен отказ от внутреннего развития в пользу внешнего. Еще в эпоху упомянутого вами Петра Россия достигла того, к чему еще не была готова. А за отставание внутреннего развития всегда приходится тяжело расплачиваться. Не кажется ли вам, что и сегодня идет похожий процесс!

— Мы вообще легко воспринимаем внешние формы. Вы, наверное, помните хиппи на Западе — это были дети богатых родителей, которые уходили из дома, носили расклешенные джинсы, длинные волосы и брэнчали на гитаре, таким образом протестуя против буржуазизации. Мы восприняли только джинсы, волосы и гитару, ибо это почти ничего не стоило, и мальчики в подворотнях были люмпенами, таким образом иллюстрирующими свою свободу и приверженность мировому сообществу. То же происходит и сейчас. Думаю, из ста человек, считающих себя казаками, человек 12 действительно ощущают это по-настоящему. И из ста человек дворянского сословия также не более 10—12 понимают, что дворянство и родовитость это не повод для кичения и не возможность дать визитную карточку с фамильным гербом, а ответственность за гены предков, которые в себе несут, за их историю.

Мы вообще фольклорный народ — верим в доброго секретаря ЦК, в скатерть-самобранку, верим, что можно три года пролежать на печи, выехать на ней и полцарства в приданное получить. Поэтому сегодня у нас казино растут, как грибы, а производство останавливается. Люди верят, что в казино можно прийти, поставить, выиграть и долго жить припеваючи. Это как раз и есть желание делать деньги, а не дела.

Посмотрите наше ТВ — что рекламируют. Почти ничего из того, что делается своими руками и самими производится. А все больше продажа имуще-

ства, перепродажа, устройство круизов — все, что угодно, только не стул, не ложка, не шапка. Причем, повторюсь, сделанная своими руками. И вот еще что интересно в той плотной волне прессы, которая касается меня или моего творчества. Существует некое раздражение по поводу того, что я не думаю, как надо, не говорю, как хотелось бы другим. Это меня удивляет. Ведь если у нас демократия, то я имею право на свою точку зрения. Но почему она вызывает такую неадекватную моей ничемной точке зрения реакцию? Я ведь не глава какой-то партии, за мной не стоят миллионы людей, я не призываю с трибуны. Я не политический деятель. Просто, если меня спрашивают, высказываю свою индивидуальную точку зрения.

— А что бы вы хотели видеть сегодня!

— Я хотел бы видеть мощное единое государство...

— В прежних его границах!..

— Конечно. За исключением Прибалтики. Государство, соединенное добровольно, а не силой. Что происходит сейчас, когда все стали «свободными»? Что происходит, например, с культурой в этих свободных республиках? Ну что такое украинская культура, скажем, перед лицом европейского сообщества? Стала ли она более известной во Франции? Что знают, скажем, в Португалии об искусстве Узбекистана? Что знают в Италии о молдавской культуре? Ничего! Что же дала свобода? Она дала возможность определенному кругу людей оказаться у власти в условиях удельного княжества. Но это мы тоже все проходили. Удельные княжества воевали друг с другом, и постепенно, находя общий язык, выдавая своих дочерей за сыновей соседних князей, проникая семейно друг в друга, возникло это образование, которое стало называться великой Россией.

— Вы чувствуете себя сиротливо!

— Да, если хотите. За мной была страна — шестая часть суши. Когда наши хоккеисты поднимались на пьедестал и исполнялся гимн Советского Союза, я испытывал чувство гордости за наших ребят. Я себя чувствовал частью этого мощного целого и, хотя я всегда ненавидел большевизм, я испытывал радость оттого, что где-то там, в чужой стране, стоят на льду счастливые ребята, отстаивавшие в труднейшей борьбе честь своей державы, значит, и свою честь, и мою. Стоят со слезами на глазах и точно знают, что то же, что и они, испытывают сейчас миллионы людей даже в тех краях их страны, где не только хоккея, но и снега-то никогда не бывает. И это был не знак единства идеологии — это образ сопричастности.

— Ну а что вы пожелаете сегодня всем нам и себе в том числе!

— Веры, Надежды, Любви, Терпения — все с большой буквы — и, конечно же, самостоятельности мышления.

— Почти по Науму Коржавину: Одно спасенье — стать умней, Сознаться в слабости своей И больше зря не спорить с Богом.

Беседу вел М. РЮРИКОВА.

● Н. Михалков.

Фото Б. Кремера.